

Заур Ганаев

БУМАЖНЫЙ СОЛДАТ

Заур Ганаев

БУМАЖНЫЙ СОЛДАТ

«Издательские решения»

Ганаев З.

БУМАЖНЫЙ СОЛДАТ / З. Ганаев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517109-2

Лирика Ганаева обладает свойствами отчужденной страсти и тоски по вечному. Она насыщена духом мистико-романтических предчувствий. Именно из них и складываются его стихи: из света и духа. Хочется отметить проникновение образов, лиц людей, лики городов, они переходят и распахиваются друг в друге, а потом звучат рефреном в сердце... Д.
Абдулкадирова

ISBN 978-5-00-517109-2

© Ганаев З.
© Издательские решения

Содержание

Бумажный солдат	6
ЗЕМЛЯ ПРЕДКОВ	6
ПАМЯТИ БРАТА	7
«Чем дальше я учился ремеслу...»	9
«Была зима, и я её терпел...»	10
В РАМОЗОТИ	11
КИТАЙСКАЯ КОФЕЙНЯ	12
И. А.	13
ГЛУБОКОЙ ОСЕНЬЮ	14
ИСПОВЕДЬ	15
ДОСУГ ПОЭТА	16
УТРО В ВЕНЕЦИИ	17
СТИХИ ОРФЕЯ	18
ИТОГИ ГОДА	19
ШКОЛЬНОЕ	20
«В итоге всё подводится к тому...»	21
ФАНТОМ	22
ЭГЕЙСКОЕ МОРЕ	23
ПОЛУНОЧНИКИ	24
СУМЕРКИ	25
ШУТОЧНОЕ	26
ОДИНОЧЕСТВО	27
СЛУЧАЙ	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

БУМАЖНЫЙ СОЛДАТ

Заур Ганаев

© Заур Ганаев, 2020

ISBN 978-5-0051-7109-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бумажный солдат

ЗЕМЛЯ ПРЕДКОВ

Bellum internecivum¹

Я вырос там, где память пахнет болью,
Изрезанная временем на пни.
Я вырос там, куда врывались с кровью
И тяжкие навязывали дни.

Но каждый раз я вырастал свободным,
Оскаливая горы, как клыки,
И, с новой раной делаясь бодрым,
Бросался на холодные штыки.

Я столько раз убит бывал вне битвы.
Я насмерть замерзал в февральский день.
О как горели мы, крича молитвы,
Когда нас жгли в сараях деревень.

Я маленьким потерян был ребенком,
Когда вокзал могилой стал отцу,
Когда народ, кому я был потомком,
По черствому был выселен словцу.

Будь проклят тот прославленный убийца,
В чьих лапах я трофеем воспылал.
Всю жизнь свою изображая лица,
Твоё я ненавидал, генерал.

Я не желал с рождения скитаться
По чашам и ущельям среди гор,
И ненавистью проклятой питаться,
И полусонным заводить затвор...

Всего-то и хотел, что разве землю
Отцовскую с могилами сберечь,
Где памятники башенные дремлют
И все еще звучит родная речь.

¹ Война до истребления (лат.)

ПАМЯТИ БРАТА

Да, старик, мы тогда укрылись
От дождя в глубине подъезда.
Деревянные рамы бились,
И сквозная ревела бездна

В этом доме мы знали многих.
В годы детства тут жили сами.
Ничего, что промокли ноги,
Мы за то угодили в память.

Та девчонка, ты помнишь Седу?
Все мальчишки за ней гонялись.
Ты тогда за неё соседу
Навалял. Да, тебя боялись.

Ох, боялись! Ты был пройдохой,
Криминалом, авторитетом.
Обналичил фальшивый доллар
И вернулся с большим пакетом.

И влетало тебе не редко
От ментов и от наших предков.
Как бы ни прозвучало странно,
Жаль, так рано тебя не стало.

Жаль, старик, и тебя и детство.
Я сейчас ощущаю глубже
Боль. Не знаю, куда мне деться,
И становится только хуже.

Я ведь тоже сбегал отсюда.
Жил на западе диким зверем.
Не устроилось. Знаешь, в чудо,
Как и ты, я теперь не верю.

И не верю, при всем желании,
В бескорыстный пример соседства.
Я ведь тоже погиб в Зеландии,
Двое суток хожу без сердца.

Да, старик, мы тогда укрылись.
Испытали и страх и радость.
А какие кошмары снились
Мне, об этом сейчас не надо.

Помолчим. Слишком много боли
В этом мире. Старик, куда ты?
Исчезаешь, как ветер в поле,
Оставаясь всего лишь датой.

«Чем дольше я учился ремеслу...»

Чем дольше я учился ремеслу
Стихосложению, тем сложнее мне было
Воспринимать поэзию на слух,
И я отверг всё то, что полюбил я.

И размышлял, зачем в природе звук.
Есть живопись: закаты и рассветы.
Вдруг ветер прошуршал, задев листву,
И я заметил, что прекрасны ветви.
И размышлял я дальше: если свет
Есть волны, обтекающие тело,
И привлекает взгляд любой предмет.
Что, если в этом, собственно, и дело?

Немного ветром быть, немного – светом,
Немного горьким опытом, советом,
Немножко утешать, бодрить и верить,
И, если надо, постучаться в двери.

«Была зима, и я её терпел...»

Была зима, и я её терпел.
Терпение мне это было странно.
Зимою мир так безнадежно бел
Короткий срок, а тьма приходит рано.

Ты остаешься с ней наедине.
Приходят гости и спеша уходят.
И длится одиночество вдвойне
Тоскливее. И мир тихонько сходит

С ума. Ничто на свете не спасло
Нас от себя, блаженно-одиноких.
И наши мысли не были глубоки,
А наше замешательство росло.

В РАМОЗОТИ

Кого не искалечила судьба? —
Сидят в углу, и не дрожит губа
Ни у кого. И кофе пьют со скукой.
А пустота их глаз почти наука.
— Долей ещё, официант. Слышь, Арче.
Десятка два назад была ль жизнь ярче.
— Она была. Буквально. Тут, за рынком,
Башку соседке оторвало взрывом.
Хотя ещё прошла шажочков десять.
Меня тот случай ошарашил в детстве»
«Да, так оно и есть. Но я о чем вот.
Когда ещё автобусом щичёнка²
Не сбило насмерть, помнишь, мы играли
Всей детворой, в субботник убирали
Бутылки со двора и прочий мусор,
И жаловали гостя даже в русском?
Куда все делось? Что пошло не так?»
Заладил, е-моё. Пустой чердак
В твоей башке. Допей свой кофе. Выйдем».
Дверь отворилась, внутрь ворвался ветер.
Официант лишь их уход заметил,
Собрал посуду со стола и вытер.

² Шича (чеч.) – двоюродный брат

КИТАЙСКАЯ КОФЕЙНЯ

Озноб бежал по пальцам. Сеял дождь.
Деревья гнулись от порыва ветра.
Прошлёпала по луже тень подошв.
Авто сверкнуло фарой в стиле ретро.
Я шел домой от друга. Он давно
Искал со мною встречи. Мы сидели
В какой-то забегаловке и ели.
И непрерывно дождь хлестал в окно.
Рассказы о работе, о семье,
Как мы всё мерно двигаемся к цели,
Как в жизни всё легко, на самом деле.
А дело, в общем, двигалось к зиме.
Я зазевал. Протёр стекло окна
От испарений, – свернутой манжетой
И видел, как настигнутые жертвы,
Бушующая, дождь по тротуару гнал.
Прекрасно, что у друга хорошо
Дела идут. Я рад. Он добрый малый.
Мы выпили по чашечке ещё,
И время нас со стульев поднимало.
В прихожей колокольчик прошумел.
Он взял такси, я постоял немного.
И небо надо мною било током.
И я как будто вздрагивал в уме.

И. А.

Надеюсь ты жива, и все в порядке.
Я тоже выживал, но дольше вряд ли
я выживу. Один хожу по миру.
Я видел, как разрушили Пальмиру.
Как к родине утрачивались чувства.
Я мог бы прокричать, но отмолчусь я.
Молчу, и ты молчишь, и только эхо,
возникшее меж двух людей, потеха
для этих строк, как крохотная сдача,
или поэта жалкая удача.
Иначе говоря, находит нега
на человека, бросившего в небо
усталый взгляд, и наполняет жилы
сознание, что, хоть и врозь, но жили
мы друг за дружку, точно! друг за дружку,
делили это, пусть и не подушку,
но это, – тоже из концепций веры, —
одалживая слух у техносферы.
Ты там в Баку. Я боль в моем боку,
как дань тому, что было, берегу.
Но всё без сожаленья канет в лету —
и вся тоска, доступная поэту.

ГЛУБОКОЙ ОСЕНЬЮ

Если вновь упадут на асфальт снега,
Я умру. Убежит в пустоту строка.
Голубая покроется льдом река.

Я любил вот в такие вот дни пропасть
В переулках. Опавшие листья класть
Друг на дружку, как карты в родную масть.
Было лето, на солнце бугор песка,
Ты, босая, бросалась в него с бруска,
Рыжий локон бежал с твоего виска.
На качели ходили. Один лишь Бог
Знает, как это в сердце мое легло, —
Ты хороший, на мне бы жениться мог.
Все потеряно ныне. Остался дождь.
Я не знаю, как надо осилить дрожь,
Когда призраком ты за окном идёшь.
И готов приложиться стволем к виску.
Ускользает все это теперь из рук,
Будто жизнь ускользает, давя искру.

ИСПОВЕДЬ

Беда, щичок, – видал её во сне.
Лицо ее в жемчужной белизне
Мне снилось. Падал темный ряд волос,
И с губ её – измученный вопрос.
Но, веришь ли, не помню. В том беда,
Что я забыл, как надо помнить, – да,
Бессовестно расти по долгу пола,
И ждать от всякой женщины прокола.
Щичок, скажи, кому наш опыт в пользу.
Мы режем стебель и бросаем розу,
И варимся в одном и том же быте.
Наверно, время это круг событий.
Наверное. Пора. Чему – не знаю.
Забить на всё и броситься к Синаю.
Начаться снова, и опять – цикличность.
Щичок, смотри, как гибнет моя личность.
Перестаю считаться виноватым.
Всё началось тогда – со смерти брата.
Ирония. И вправду, смерть – начало.
Она, и только, что-то означала.
Мне страшно за себя, тебя, за наших,
За будущих за нас, за нас вчерашних.
За всё, во что мы превращаем души
За жизни, что ещё не раз разрушим.

ДОСУГ ПОЭТА

Потому что с детства не любит холод,
Выходя из дому, он поднимает ворот,
Разжигает пламя, верный любой привычке,
И рассуждает о жизни на примере спички.
И дым стоит как туманность альфы.
Если бы вместо лиры он учился арфе,
Или другому искусству, или хотя бы боксу,
То день его разбивался б на до и после.
Вот идёт он, весь в чёрном, ступая в лужи,
Ибо верит в судьбу, в неизбежность. Хуже
Ответственности за свои проступки,
Знать, нету. Души людские – хрупкие
Без того, чтоб ещё загоняться ношей.
Вот он идёт, как актёр киношный,
Оттого, что сам под своим прицелом,
Как случайный зритель, и как критик. В целом
Он понимает себя, как единицу жизни
С инициалами, собственностью отчизны,
Молодым побегом на обгоревшей ветке,
Хранителем того, что завещали предки.
Вглядываясь в воду, скопившуюся у скамейки,
Он видит небо, параллельное небу Америки,
Треугольники крыш, висящие, как дамоклов
Меч, одно за другим чернеющие окна...
Последнее значит, что пора исчезнуть,
И он покидает, как плачущего ребёнка, бездну.

УТРО В ВЕНЕЦИИ

Окна, запачканные водой канала,
Сбрасывают с себя вечерние покрывала,
И, будь они мониторами, вы увидели бы,
Как становился город и умирали зрители,
Как бледные лучи солнца пробивались
Сквозь сгустки тумана,
И каждое новое поколение горожан
Сталкивалось с чувством самообмана —
Что города не умирают.
А утром турист, как моллюск в опале,
Щуря глаза, которые не спали,
Видит в своём отражении чужие лица,
Испытывает одновременно боязнь
И соблазн разбиться.
Но, расслышав хихикающую девушку на причале,
Он оборачивается и не находит никого
Кроме одинокой чайки.

СТИХИ ОРФЕЯ

Ещё живая ты была вся бледная.
Мое ты сердце не жалела – бедное.
Усердная была, немилосердная.
Венеция в глазах твоих зефирная.
Волос твоих горячих солнце медное.
Ты вся чужая и такая мирная.
Такая вся чужая, как чужое,
Как сновидение Франциско Гойи.
Как по воде нефритовые волны
Под арию И. С. Баха для валторны
Бегут на берег. Все слова и ласки,
Все почести и нежности напрасны.
Чужая ли, ничья ль не виновата
Ушедшая в Аидовы пенаты.

ИТОГИ ГОДА

Итоги подводя, я так скажу:
Итоги никогда не подвожу.
Но погляжу на бледный силуэт
Себя в окне, и, знаешь, силы нет
Все это продолжать из года в год.
Гремят фейерверки, радио поёт,
Сосед-алкаш блюёт. Простой мотив
Закрался в слух, и песнь-локомотив
Моих, сказать, печальных мыслей строй
Нарушила отчаянной слезой.

Я скорый свой предчувствую уход,
Как я взойду на белый пароход,

Махну рукой, ну ладно, помашу,
И вскоре много писем напишу.

Моё вниманье обратила тишь,
Не то чтобы яйцо разбила мышь,
Но сплошь в ветвях запутался туман
И дым... и тишь и глушь, и я в карман
Полез, открыл окно, облокотясь,
Зажег, убрал назад, причина-связь-
Последствия: неважно, сколько лет
Ты прожил, у меня ответов нет,
Желаний нет- ни укрывать, ни красть.
Я, в общем, к жизни всю утратил страсть.

Москва, 2017

ШКОЛЬНОЕ

Я тут учился, в средней школе семь.
При мне тогда ещё ввели реформы,
С девчатами нас разделив, но сим
Не угодили нам, мальчишкам. Помню
Всё это очень живо. Третий класс.
Мы выходили в коридор, и грустно
Гуляющими замечали нас
Уже не одноклассницы. Опустим
Политику и всех ее вождей,
Но вспомним перестрелки, бомбы, трупы
Убитых, искалеченных детей,
Кого теперь не разглядишь и лупой
На школьных фотографиях. Так век
Пришел к концу двадцатый. Страшный, громкий
Был век. И был из родины побег,
И было возвращение к обломкам
Квартир, домов, усадеб, судеб, гор.
Кругом цвели акации, герани.
Разбитый красовался школьный двор,
И мы его на физ-ре прибирали.
И умирали ещё до тридцати.
Ходили в универ в костюмах, в кепках.
В Европу собирались укатить,
Но оставались, хоронили предков.
Теперь нас мало – меньше пальцев рук.
Один сидит, другой погиб на стройке,
Раздавленный букетом сточных труб,
И я, ещё живой, лежу на койке.
Мы тут учились. Правду ж говоря,
Нас важному нигде не научили.
Нас не учили резать якоря,
Что мы с собой по-детски волочили.

«В итоге всё подводится к тому...»

В итоге всё подводится к тому,
Что предоставлен ты лишь самому
Себе. Хотя отчасти предкам.
Босая поступь над сухим паркетом.
Звонок и замиранье. Тишина
На проводе удачей смущена.
— Алло! Ничё не слышно. Не молчите, —
И голос на другом конце — простите,
Ошибка вышла. — Что ж, тушите свет.
И вот сижу. И голень на колене.
От автофар в окно вбегают тени
И выбегают. И моя им вслед,
Я есть лишь единица. Так, допустим:
Два человека: единица с плюсом
На единицу и тд. Абрис
Иль тень меня, расположившись близ
Многоэтажки, наблюдает город,
Который был когда-то очень дорог;
Бросается из темного угла
Туда, где можно скрыться до утра.

ФАНТОМ

Грустный он гулял по вечерам,
Письма сочинял, как Миттеран,
И с лица усталость вытирал.

Иногда он приходил к музею,
В сумраке искал к нему лазейку,
Мыслил кражу, лёжа на скамейке,

Рукава по локти закатив.
Он бы мог в загранку укатить
И домашним этим угодить.

Он хотел немного приключений,
Побороть к преступному влеченье,
Но он был чеченец.

Вялость отвергалась из приличий.
Был он шустр, упряма, харизматичен,
И при том трагичен.

Женщины ему надоедали,
В некогда чудесной ширясь талии.
Это не беда ли!

И читал ночами философию,
Рисовал, как Пушкин, свой же профиль,
Попивая кофе.

Поздно-поздно засыпал под утро.
Спал не дольше трёх часов в сутки.
На усталость отзывался шуткой...

Этот человек иль некий призрак,
Чья судьба к игре его капризна,
Сделался мне близким.

Оттого и боль моя глубинна,
Что такой же, как и он, дубина:
Всё любил, и всё его губило.

ЭГЕЙСКОЕ МОРЕ

Тезей условился с Эгеем,
Что «возвращение во здравье
Сукнами белыми зареет
На судне, поносимом вплавь.

Но будет облаком печальным
Мой парус, в широте простертый.
На черном фоне выкрик чайки.
Так ты узнаешь, что я мёртвый».

Тезей жил в героийском стиле.
Таким сопутствует удача.
Он критского быка осилил,
Дщерь³ царскую забрал в придачу.

Но есть трагедия трагедий
В ложно-мифических героях.
Они беспечные как дети,
И все им чудилось игрою.

Он бросил Ариадну втайне,
И ночью снова стал на море.
К Афинам путь лежал не дальний,
Но он забыл об уговоре.

Отец его прекрасно помнил,
Что черный парус – скорбный вестник.
Он в море бросился и помер,
И стали море звать Эгейским.

³ Дщерь (рус. устар.) – дочь

ПОЛУНОЧНИКИ

Мы, полуночники, изгой.
Когда ковёр небесный чёрен,
Печалимся о судьбах Трои,
Глаза измученные шурим.

И словно моря грудь тревожа,
Бросаем по умершим камни,
И зыбь морщинится, как кожа,
И мы Икарами не станем.

Но уподобляясь Урасиме,
Стоим на камешках развалин,
Толпою сонной поносимы,
И все умерших называем.

На Фудзи так горит вершина,
К которой каплею Кагуя-
Химэ упала и свершила
Любовь неведомо какую.

Мы, полуночники, не в плюсе,
Когда в доспехах гибнет некий
Храбрец, ощупываем пульс и
Застывшие смежаем веки.

Мы, полуночники, устали,
Но скорость времени в затылке
Немыми двигает устами
И пахнет в ноздри нашатыркой.

СУМЕРКИ

Зимнее небо всегда немного розовое,
Особенно после заката.
Писать об этом – очень мало пользы,
Даже если за это платят.

Деревья как перевёрнутые люстры
Готики, вечером, в часу пятом.
Впервые в жизни я пишу не о грустном,
Хотя и малоприятном.

Писать следует линейно, о неизвестном,
С замахом на гомерические письма.
Иногда стихи превращаются в песни,
В редких случаях в истины.

Но главное – о красоте в привычном:
Архитектуре фриза, фронтона и балюстрад.
Не то чтобы я привыкал к ней лично,
Но был бы рад.

Зимой всё меняется. Ходьба по льду
Становится вооруженным забегом на лыжах.
И мне все ещё непонятно, куда я иду,
И для чего нужно выжить.

ШУТОЧНОЕ

Её очень сильно любят.
В косынке и чёрном платье —
Когда она ходит в люди,
Всегда провожает мать её.

Ах мать ее, почти что ровесница,
И с тем же печальным взглядом.
Зачем же она? Повесить ее,
Не путалась дабы рядом?

А что если завтра с братьями
Увижу ее – громадными.
Придется и их убрать мне?
Не надо мне!

Пусть будет себе, красивая,
И сердце мое тревожит.
И, всё-таки, мне б спасти её,
И сделать моей заложницей.

ОДИНОЧЕСТВО

Это очень страшное чувство —
Веки прикрыть и сжать.
Это, когда тебе громко и пусто,
Некуда побежать.
Это, когда люди ходят мимо,
А на ресницах лёд.
Это, когда огонь без дыма.
Или когда ты мертв.

СЛУЧАЙ

Он кричал ей следом: быстро
Не гони!
Мотоцикл, выбивая искры
и огни из-
Под колёс, заезженных и лысых,
Завизжал.
Только помню: очень громкий выстрел
И пожар.

Шел дождь. Каким-то образом я был
Застигнут им без зонтика и куртки.
Был дробью дождевой прошит мой тыл,
И руки мягко вправленные в брюки.

Мне, боже, очень страшно умирать.
Сидит на черной ветке воробей
И мокнет. Я хочу его обнять
За крылышко. «Не бойся. Не робей.

Я как и ты, и мало с кем дружу.
Но пёрышком ты свыше одарён»
Летят, срываясь, листья к витражу
Под очень старым, жёлтым фонарем.

И вдруг сорвался с влажной ветки тон

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.